

УДК 101.2

ПОНЯТИЕ СИМВОЛА
В ПЕРСПЕКТИВЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

М. А. Володченко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 28 декабря 2021 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка деконструкции символа для экспликации его принципиально антропологического смысла в отличие от онтологического. Символизация в качестве деятельности возведения в абсолют рассматривается в приближении к опыту философствования. Кроме того, затрагиваются проблематика обращения философов к понятию символа и его базовая структура для выявления антропологического символизирующего начала. Посредством концепта «власти» Фуко и аналитической философской традиции демонстрируется логика символического процесса. По итогам исследования делается вывод о невыражаемом и нереализуемом символическом остатке как при написании философских текстов, так и при попытках применить их на практике.
Ключевые слова: символ, философская антропология, деконструкция, знак, Фуко, аналитическая философия.

Abstract: the article attempts to deconstruct a symbol to explicate its fundamentally anthropological meaning as opposed to the ontological one. Symbolization as an activity of elevation to the absolute is considered in an approach to the experience of philosophizing. Moreover, the problematics of the appeal of philosophers to the concept of a symbol and its basic structure for identifying the anthropological symbolizing principle are considered. Through Foucault's concept of «power» and the analytical philosophical tradition, the logic of the symbolic process is demonstrated. Based on the results of the study, a conclusion is made about an inexpressible and unrealizable symbolic residue both when writing philosophical texts and when trying to apply them in practice.

Key words: symbol, philosophical anthropology, deconstruction, sign, Foucault, analytical philosophy.

2022. № 1

58

Выделение символа в отдельную область внимания и изучения в ходе истории философии было связано с принципиальным противопоставлением символического языковому [1–2]. Проблематика символа, ставшая отчетливой в оппозиции к философии языка и знаковому способу выражения, опосредовала вопрос об основаниях такого выделения. Сама постановка вопроса расположена в области онтологического, т. е. определения условий возможности символического. Областью, не подвластной исключительно языковому, является религиозное, понимаемое не в смысле историко-социального феномена существования и развития религии и религиозных представлений, но в принципиально феноменологическом смысле опыта соприкосновения с возвышенным. Именно

этот аспект учреждает раздвоенность символа, который находится на стыке языкового в качестве формы выражения и религиозного как содержания символа. Выделение области религиозного в символе создает символическую глубину, т. е. потенциальное насыщенное богатство символических смыслов в противовес смыслу знака. Резюмируя, символ – это выражение абсолютизации некоторой идеи, смысла, морально-этической, религиозной или мировоззренческой характеристики, качества. Механизм абсолютизации, выполняя главную функцию символа, свидетельствует о его однозначности, единстве и наполненности. В символе как части религиозной сферы нет места индивидуальности, он указывает не на союз атомарных идентичностей, а на единство как таковое. В то время как знак – часть языковой формальной комплексной системы индивидуальных атомарных элементов, значение которых проявляется во взаимной целостности.

Проведя различие между религиозным и языковым, необходимо обратиться к тем философам, которые сами устанавливали такое различие. Способ проведения границы между символом и знаком не только определил характер отдельных философских течений, но и позволил сделать вывод о религиозном или секулярном мировоззрении его авторов. Обращение к Кассиреру, Лосеву и Флоренскому может показаться недостаточным для обозрения всего богатства философских исследований на тему символа, однако оно соответствует замыслу данной статьи. Апелляция к Кассиреру осуществляется для того, чтобы показать секулярный характер введения проблематики символа в онтологию, а к Флоренскому и Лосеву как родоначальникам отечественной традиции философствования, в первом случае мистически-религиозному, во втором – культурно-антропологическому. Обозначенные фигуры выделены на основании введения нового ракурса на рассмотрение символа. Напротив, обращение к символу у исследователей в формате научных биографий [2, с. 256–264] является историко-философским, т. е. не предлагает нового ракурса на проблему символа, но предоставляет обзор уже существующих. В данной статье затрагивается проблема развития и преемственности философии, отсюда – обращение к ее «узловым» моментам, представленным отдельными философами.

Под символом Эрнст Кассирер понимает инструмент преобразования реальности человека как *animal symbolical*. В символе человек фиксирует опыт, используя полученный опыт в орудиях или инструментах для преобразования реальности. Таким образом, главная функция символа для Кассирера – структурирование человеческого опыта. «Функция символа заключает в себе самостоятельную энергию Духа, посредством которой простому наличному бытию придается определенное значение, своеобразное идеальное содержание» [3, с. 181]. Павел Флоренский рассматривает символ не как языковую форму, а как противопоставление чистому мышлению с системой категорий и понятий, «нечто являющее собою то, что не есть он сам, больше его, и, однако, существенно чрез него объявляющееся» [4, с. 257]. Другой русский религиозный фило-

соф Алексей Лосев определил символ как «субстанциальное тождество идеи и вещи» [5, с. 635] (но это античное понимание символа), а в труде «Философия имени» привел свое собственное определение: «идеальный умопостигаемый образ вещи самой по себе с однозначно выраженным умопостигаемым смыслом-“эйдосом”, которая есть сущая (единичность), данная как подвижный покой самотождественного бытия» [6, с. 78].

Религиозные философы пытались ухватить феномен символа, между тем как секулярные могли рассматривать только его культурное или социальное значение, понимая под символом насыщенный или даже перенасыщенный знак. Однако подобные ответы находятся в рамках онтологии, т. е. определяют символ как некую «чтойность». Как представляется, определенным философским потенциалом обладает антропологическая постановка вопроса о символе, поскольку некоторые философы [7] указывают на символ как на характеристику человеческого бытия.

Тезис данной статьи можно обозначить как «философия символична, но символ не философичен». В этом состоит антиномия символа.

Символичность философии заключается в том, что философствование осуществляется в зазоре между языковым (языком философии) и личным интимным опытом соприкосновения с возвышенным, внеопытным, тем, что, как правило, относят к сфере религиозного. Сам акт философствования стремится выразить ту важность, на которой философ настаивает. Однако эта попытка заранее обречена на неудачу, так как язык может лишь указывать, ходить «вокруг да около» представления о том, что достойно выражения. Недостижимая для символизации область составляет символический остаток философствования, благодаря которому и возможна философская традиция, преемственность в комментировании текстов, когда философы, жившие в другой исторический промежуток, обнаруживают невыраженное, упущенное и извлекают из него ресурс для интерпретации и переосмысления. В то же время те философы, которые обращаются к изучению символа напрямую, фиксируют в нем структуру предельного смысла, но вынуждены упускать собственные предпосылки философствования. В стремлении выразить символ на философском языке заключена разрушительная попытка означивания: извлечение символической глубины на поверхность языка противоречит самой природе символа. Из-за символичности самого бытия человека в мире философия никогда не придет к своему концу, не окончится предельной позицией, более истинной, чем другие. Можно предположить, что философ стремится подытожить свои взгляды, свое мировоззрение в ключевых тезисах и формулировках, выражающих его позицию, таким образом, философ нацелен на конструирование символа своей философии, но при этом всегда остается невыражаемый остаток, который не вмещается в текст, потому что он та часть символа, о которой, например, Флоренский говорил, что она больше непосредственного выражения символа [4, с. 263].

В связи с этим возникают два важных вопроса: почему возникает интерес к понятию символа в философии и как можно представить структуру символа, т. е. где локализуется многообразие смыслов, содержание

(условно означаемое символа, абсолютизированное символом или просто абсолютизированное) и за счет какого механизма оно приводится к единству означающего символа, выражению в символическом предмете (узловой точке абсолютизации).

Проблематика обращения к понятию символа в философии

Философская традиция дает ответ, удовлетворительный лишь на первый взгляд. Кассирер, как неокантианец, настаивает на том, что у человека определенным образом устроено восприятие опыта – через трансцендентальную схему, которая устанавливает связь между (вне) опытным и позволяет нам говорить, надеяться и т. д., т. е. выходить за сферу непосредственного опыта. Символ предстает результатом устроенности человеческого восприятия.

Представляется уместным рассматривать потребность символизации в качестве антропологического мотива человека.

Антропологический мотив человека – в экспансии, выражении своего внутреннего воображаемого мира вовне, так как его насыщенность, напряженность не удовлетворяют его исключительно внутренним созерцанием, но вынуждают его распространить свое внутреннее во внешний мир. Человек желает быть выраженным в мире, стать его частью, и чтобы это произошло именно так, как он созерцает внутри себя. Этим объясняется условно социальная сфера жизнедеятельности, всё, что нацелено на преобразование мира на основаниях воображаемого.

Интерес к понятию символа, ностальгическое ощущение философа возникает тогда, когда он желает идеальным образом выразить свои мысли в рамках своей философской программы. Взаимоотношение человека с миром – то же самое, что взаимосвязь представления мира философа с его текстом.

Структура символа

Кант считал, что есть ноумены, которые нельзя понять исходя из опыта, но можно их только зарегистрировать. Символ как ноумен – вещь, которая аккумулирует множество смыслов.

Думается, означающее символа локализуется в предмете, который создается воображением, а не интеллектуальными операциями. Локализация происходит не на основании комплексной языковой системы, объединяющей атомарные индивидуальные элементы, а на основании другого рода отношения снятия индивидуальности и акцента на единстве как таковом. Это логика символического, отличающаяся от знаковой.

Таким образом, философский мотив символизации заключается в экспансии воображаемого, абсолютного, бесконечного человека вовне. Суть человека не в конечности, как говорит Хайдеггер, а в бесконечности. Но трагедия его в том, что он пытается отразить себя в конечном мире. Для этого человеком и применяется логика символического процесса, т. е. в стремлении преодолеть конечность человека в мире. Логика символического демонстрирует принципиальную антропологичность символического процесса, поскольку она не вписывается в главную язы-

ковую функцию выражения, исходя из которой некоторые приверженцы нечеловеческой антропологии [8] осуществляют переориентацию онтологии на объекты в мире. Символ не поддается онтологическому уравниванию в силу логики возвышения: не диалектического развития органической материи, но специфическим надстраиванием поверх объекта, не обнаружимым в самом объекте. Поэтому философы вынуждены выделять его в отдельную онтологическую область, чтобы обосновать единение людей на основаниях, отличных от кооптации для совместного выживания. Стоит отметить, что деконструкция символа позволяет обнаружить предпосылки объектно-ориентированной онтологии (ООО) в построении всеохватной модели уравнивания «всего». За построением любой философской системы стоит антропологический мотив. Случай ООО демонстрирует логику капитализма, для которого все объекты мира имеют равнозначную ценность причастности к товарообмену.

Кейс Фуко

Логика символического также можно представить на примере одного из наиболее цитируемых в академической среде философов – Мишеле Фуко. Один из значимых для него концептов – власть, определяемая им как «множественность отношений силы» [9]. Власть распределена по сети отношений, осуществляя опосредованное и зачастую неидентифицируемое воздействие на субъекта отношений. Монструозная конфигурация власти пришла на смену новоевропейскому порядку единого монархического правителя, обладателя всей полноты власти. Власть для Фуко символична, она является символом смены исторических эпох, перехода отношений власти из открытого в теневой оборот, и вместе с тем власть сосредотачивает в себе предмет повышенного интереса Фуко. Автор предлагает оптику формирования диспозитивов в зависимости от практики. Власть есть конкретное проявление власти в момент ее проявления. Поэтому он предлагает неполитические, невластные практики воздействия на социум. Противодействием власти может быть только ускользание по неполитическим каналам: вписывание секс-меньшинств в институт семьи, легализация маргинальной практики наркомании. Так осуществляется противостояние признанным политическим институтам. Однако исходом символических надежд на переустройство мира Фуко стало не освобождение, а вписывание «дефектной субъективности» в капиталистические отношения с дарованием права быть субъектами потребления. Капиталистические властные институты встраивают в свою логику низовой протест. Власть лишь частично реализует требуемое для удержания своего доминирующего положения. Символ философии не реализуется и в тексте, и в действиях. Символ не только не философичен, но и не практичен.

Символический остаток философии Фуко – неудача реализации проекта в мире, преобразования действительности под утопический манифест текста. И такая судьба ждет каждый философский проект в силу его символичности – несоответствия логики развития внешнего и утопического идеала внутреннего.

Методические проблемы аналитической философии

В связи с символическим остатком философии встает закономерный вопрос о статусе аналитической философии. Поскольку она действует исходя из непроявленных предпосылок философствования, сокрытия акта процесса означивания, она является философией неполноценной. Ее неполноценность состоит в прерывании философской традиции. В процессе аналитического пара-философствования из контекста выдергиваются различные концепции, в то время как в гуманитарной сфере преимущество знания, традиция дискурса и составляет научность, гносеологическую ценность. Исходя из непрерывного хода традиции комментирования с оглядкой на культурный массив, вписанный в непротиворечивый акт философствования, обосновывается любая новая философская концепция, новизна предложенного ею ракурса и «переклички» с другими сопоставимыми понятиями. Напротив, аналитики представляют философию как академический сборник аргументов [10] «за» или «против» какой-либо позиции на основании внешних в программе рассматриваемого ими философа критериев. Выдвижение новых аргументов становится игрой с неизменными правилами. Стоит отметить также манифестацию аналитической традиции как последовательницы классической метафизики [11, с. 144–158], у которой она якобы заимствует фундаментальные философские вопросы, тогда как континентальная философия утратила связь с предками. Такая связь является лишь декларируемой, на поверку оказывающейся ссылкой на авторитет. Философ-аналитик выступает не на собственной позиции, а «прячется» за спиной у признанной философским сообществом видной фигуры. Философия становится дескрипцией архаических «динозавров» вопреки развитию. Неоправданное расширение философии путем выдвижения однородной аргументации создает символический симулякр, который характеризуется симптомом самозванца. Конгрессы аналитических философов [12, с. 106–117], как правило, представляют собой мероприятие «для своих», а его организаторы вынуждены заниматься бесконечным самообоснованием своего поля от философии, «свернувшей не туда». Набор проблем сознание/тело, свобода воли сами по себе, в отрыве от нового ракурса философствования, постановки вопроса под руководством иной оптикой не предполагают решения, а логика дискурса позволяет занимать рядоположенные позиции. Аналитическая философия не символична, а сугубо языковая. Из-за самозамкнутости дискурсивной логики их идеи не нацелены на преобразование реальности.

В заключение отметим следующее. Деконструкция понятия символа показала, что философия символична, но символ не философичен. Иными словами, философия является символизирующей деятельностью на стыке языкового и религиозного, поэтому остающийся невыражаемый символический остаток, с одной стороны, способствует развитию традиции комментирования текстов, с другой – образует балласт невыраженного воображаемого. Интерес к понятию символа возникает исходя из

главного антропологического экзистенциала выражения вовне, стремления к приведению в идеальное соответствие реального воображаемому. Означающее символа локализуется в предмете, который создается воображением, а не интеллектуальными операциями. Основанием локализации является другой род отношения – не связи индивидуальностей, но их снятия для установления единства как такового. Кейс Фуко продемонстрировал, что символ не только не философичен, поскольку он не поддается окончательному языковому выражению, но и не практичен, так как власть встраивает низовую протестную логику с минимальными потерями для сохранения своего господствующего положения. Наконец, аналитическая философия не является полноценной, скрывая символические мотивы за языковыми операциями.

Литература

1. Лосев А. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Лосев. – М. : Искусство, 1995.
2. Свасьян К. Проблема символа в современной философии / К. Свасьян. – Ереван : Изд-во Армянской ССР, 1980.
3. Спирина Э. Символ как ключ к пониманию / Э. Спирина // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 3.
4. Флоренский П. У водоразделов мысли / П. Флоренский // Соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 2001. – Т. 3 (1).
5. Лосев А. Очерки античного символизма и мифологии / А. Лосев. – М. : Наука, 1993.
6. Лосев А. Философии имени / А. Лосев. – М. : ЭксмоПресс, 1989.
7. Кассирер Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Ун. книга, 2002. – Т. 1: Язык.
8. Кон Э. Как мыслят леса : к антропологии по ту сторону человека / Э. Кон. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2018.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М. : Ad Marginem, 1999.
10. Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке : что такое хорошо и что такое плохо? / Д. Эдмондс. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.
11. Васильев В. Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? / В. Васильев // Философский журнал. – 2019. – Т. 12.
12. Иванов Д. Рецепция аналитической философии в России / Д. Иванов // Философия науки и техники. – 2015. – Т. 20.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Володченко М. А., аспирант кафедры философской антропологии философского факультета

E-mail: volodchenkomaria@yandex.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Volodchenko M. A., Post-graduate Student of the Philosophical Anthropology Department of the Faculty of Philosophy

E-mail: volodchenkomaria@yandex.ru